

Е.А. ЕФИМОВА, Н.А. КОНЮХОВ, Д.А. ПАНФИЛОВ*
КТО И КАК НАЧАЛ ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ?

Аннотация. В статье проблематизируется начало Первой мировой войны на основе концепции вложенного перформатива. Нарастание мирового кризиса представлено как три последовательно усложнявшиеся формы войны – вызов человека государству, война государства против государства и война всех против всех.

Ключевые слова: перформативный анализ; вложенный перформатив; Первая мировая война; начало войны.

E.A. Efimova, N.A. Konyukhov, D.A. Panfilov
Who and how did start the First World War?

Abstract. This paper discusses the First World War's outbreak using the concept of nested performative as basis. Escalation of worldwide crisis is considered as three forms of war sequentially becoming more complex – a person challenging the state, war between two states and war of all against all.

Keywords: performative analysis; nested performative; World War I; outbreak of war.

---

* **Ефимова Евгения Артемовна**, студентка департамента политических наук факультета социальных наук НИУ ВШЭ, e-mail: zhe-efimova@yandex.ru; **Конюхов Никита Алексеевич**, студент департамента политических наук факультета социальных наук НИУ ВШЭ, e-mail: konyukhov.na@gmail.com; **Панфилов Денис Александрович**, студент департамента политических наук факультета социальных наук НИУ ВШЭ, e-mail: panfilovdenis27@gmail.com;

Efimova Evgeniia, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: zhe-efimova@yandex.ru; **Konyukhov Nikita**, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: konyukhov.na@gmail.com; **Panfilov Denis**, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: panfilovdenis27@gmail.com.

«Маленькая вырезка из газеты, напечатанная без комментариев секретной ячейкой террористов в Загребе, столице Хорватии, для их товарищей в Белграде, была факелом, который разжег огонь войны в 1914 году. Этот кусок бумаги сокрушил старые и гордые империи. Он дал родиться новым, свободным нациям», — пишет в своих воспоминаниях Боривой Евтич, один из заговорщиков «Народной обороны» [Hart, 2013, p. 23]. Упомянутая записка была получена в конце апреля 1914 г. и содержала сообщение об ожидаемом приезде в Сараево Франца Фердинанда. Именно в этом клочке бумаги усмотрел критический момент начала войны Евтич, ставший видным сербским литератором.

Когда берешься распутывать хитросплетения действий и событий, вылившихся в Первую мировую войну, возникает соблазн вслед за Евтичем установить то мгновение, которое мы можем назвать началом грандиозного исторического потрясения. Мы же предлагаем посмотреть на все это «с высоты птичьего полета», чтобы не подменять целостный смысл отдельными яркими деталями, чтобы деревья не заслоняли леса. Но и отдельные детали, отдельные «деревья» не должны исчезнуть из поля зрения.

Чтобы охватить все смысловое, семиотическое пространство, мы обращаемся к модели вложенного перформатива (nested performative). Ее образует соединение перформативного высказывания (performative utterance) или высказываний, а также реактивных и фоновых высказываний в перформативный акт (performative act), этого акта и новых высказываний, а также реактивных и фоновых актов в перформативное событие (performative event).

Начало войны, тем более начало мировой войны, нельзя свести к одному действию. Это всегда кризис, двусмысленно отделяющий и в то же время соединяющий предшествующее состояние мира и последующее состояние войны. Однако в данном случае трудно выделить один-единственный кризис. Первая мировая война не начиналась как мировая, она не начиналась даже как война вообще, если опираться на обычное представление о войне как вооруженной борьбе одного государства против другого. Промежуток между миром и войной распадается на три следующих друг за другом кризиса. У каждого из них был свой вход (entrance), свои участники и проблемы, свой выход (exit). В каждый из кризисов включались новые агонисты, а противостояние сторон принимало качественно новый характер. По сути, речь идет о трех последова-

тельно усложнявшихся формах войны – это война человека против государства, государства против государства и всех против всех.

В каждом кризисе есть что-то, что является центром, главным перформативом, главной темой всех остальных высказываний. Эти критические перформативные моменты становятся своего рода смысловыми фокусами, к которым стягиваются линии перформативного причинения и из которых развертываются линии перформативных следствий. Так, для первого кризиса это убийство Франца Фердинанда, для второго – вмешательство Австрии во внутренние дела Сербии, равносильное объявлению войны, для третьего – разворот на запад, приведший к веерному падению косточек домино.

Между тремя этими кризисами нет четкой границы. Поле нашего зрения заполнено множеством высказываний, действий и взаимодействий. Конкретные высказывания, акты и даже события растягиваются в пространстве-времени и накладываются друг на друга. Когда в одном месте еще вспоминают убийство эрцгерцога, в другом уже обсуждают австрийский ультиматум, а в третьем вспоминают о взятых на себя обязательствах.

Объявление войны в узком и четком смысле прототипически можно свести к вызову на поединок. Однако это не только вызов, но также изменение статуса отношений. Это изменение не происходит мгновенно, и формальный текст объявления может на самом деле только подтверждать уже случившийся факт и быть лишь одним из множества высказываний. В какой момент совершается это изменение – когда министр отправляет телеграмму или когда на другом конце Европы ее получают? Когда объявляется мобилизация или когда войска пересекает границу? Приходится признать, что объявление войны – это протяженная цепь фактов, писем и обсуждений, которые сводятся к одному – к претензии на суверенитет.

Нас будет особенно интересовать последняя форма – война всех против всех, которая подразумевает, конечно, не гоббсовское естественное состояние, а новое явление в международной политике – тотальную мировую войну. Ее особенность не просто в количестве участников, а во всеобъемлющем характере: весь мир находится теперь в состоянии войны, любая территория является потенциальным театром военных действий, любой человек – ее потенциальной жертвой. Изменяется и характер объявления войны, так как он перестает быть адресным: по сути, не важно, объяв-

ляет страна войну Австрии или Германии, важен сам факт выбора одной из сторон, символический выбор «друзей» и «врагов» в этом новом состоянии. Не менее важно объявление нейтралитета как отказ от выбора; однако этот отказ не выключает страну из состояния мировой войны, что явно видно на примере Бельгии и Италии.

Мы представим анализ трех взаимосвязанных вложенных перформативов в виде драматургической конструкции трех актов. Такая конструкция станет своего рода связкой между исследуемым нами комплексным перформативом начала войны и привычным историческим нарративом.

Первый акт драмы. «Боснийский кризис». Вызов человека государству

28 июня 1914 г. произошло убийство эрцгерцога Франца Фердинанда, наследника австро-венгерского престола, и его жены герцогини Софии Гогенберг в Сараево. Убийство было совершено гражданином Сербии Гаврилой Принципом, одним из шести участников террористической группировки «Млада Босна». Согласно его показаниям в окружном суде в Сараево, Принцип задумал покушение в апреле 1914 г., во время пребывания в Белграде.

Мы не знаем, сопровождал ли Гаврила Принцип свой выстрел словами. Однако звук этого выстрела был ясным перформативным высказыванием. Смысл этого высказывания можно передать примерно таким образом: «Я не признаю монополию Австро-Венгрии на принуждающее насилие надо мной и моей землей. Я сам, своей волей осуществляю предельное насилие. Я убиваю тебя, Франц Фердинанд, как символ ничтожных австрийских притязаний». И смертоносная пуля подтвердила это высказывание.

Подобное перформативное высказывание вполне укладывается в прототипическую форму вызова на поединок. Однако это вызов далеко не равных соперников. С одной стороны, это молодой человек, который не достиг еще совершеннолетия, за которым маячит «Млада Босна», с другой – государство, огромная империя, издавна входящая в число великих держав. Возможен ли поединок между такими соперниками?

Принцип и его друзья считают, что бросили вызов Австро-Венгерской империи. Та же в свою очередь их как соперников не замечает, не хочет услышать сопровождающего выстрел высказывания – возникает своего рода когнитивный диссонанс. Однако при этом Империя вызов ощущает. Она пытается понять, кто его бросил, в доступной ей логике. Естественно, ищется если и не равновеликий, то, по меньшей мере, равнозначный контрагент. Его быстро находят (он уже давно замечен) в лице Сербии. Если просмотреть первоначальный отчет, представленный австро-венгерской комиссией, то можно обнаружить нивелирование роли личности убийцы с помощью смещения акцента на определенную атмосферу в сербском обществе, создаваемую именно правительством, которое в конечном счете и мотивировало заговорщиков. «Радикально революционные взгляды убийцы вкупе с влиянием его окружения в Белграде и чтением сербских газет вдохновили его на ту же степень ненависти к монархии и привели его к пропаганде своего плана» – так звучит фраза в разделе документа, где установлены мотивы совершенного деяния. «Принцип – это типичный пример молодого человека, школьные дни которого были отравлены доктринами Народной обороны» – такую характеристику получил главный фигурант дела. Кроме того, не менее отчетливо выявляется один из главных тезисов всего отчета – о несостоятельности убийц в финансовом компоненте, что доказывает зависимость их действий от Сербии: «Принцип и Карбинович (его главный сообщник-исполнитель) закупили бомбы и оружие, необходимые для исполнения акта, у сербского майора, поскольку сами по себе террористы не обладали средствами для их приобретения» [Horne, 1923]. В совокупности такого рода дискурс со стороны Австро-Венгрии обозначил в социальном пространстве событие – Боснийский вопрос, который необходимо было решать. Он был поддержан другими реактивными высказываниями – со стороны Германии, выразившей однозначную солидарность с Австрией. Фоновые высказывания других государств, включая Сербию, и попытки переопределить содержание акта оказались безрезультатными.

Таким образом, первоначальный акт – убийство – был по своей природе не чем иным, как персонифицированным актом несогласия Гаврилы Принципа и узкого круга его единомышленников с захватчиками. Однако для геополитической ситуации, в которой находилась австро-венгерская корона, было гораздо выгоднее ин-

терпретировать и обозначить в социальном пространстве произошедшее событие так, чтобы противостояние «человек против государства» растворилось, отошло на второй план, а на его месте появилась борьба «государства против государства», соответствующая логике суверенных государств.

Структурно перформатив сараевского покушения можно рассматривать как горлышко двойной воронки перформативности. Данный ключевой перформатив является результатом стяжения цепочек перформативного причинения, включая такие перформативы, как упомянутая Боривоем Евтичем записка, как аннексия Боснии 7 октября 1908 г., создание «Народной обороны» 8 октября 1908 г. и «Черной руки» 22 мая 1911 г. и как ряд множества других действий, нагруженных смыслами.

Тот же самый ключевой перформатив стал исходным моментом воронки перформативных следствий. При этом, как уже отмечалось, резко обозначилось расхождение следствий и ожиданий. Заговорщики из «Млады Босны», сочувствовавшие им политики и обыватели пытались развернуть цепочку перформативных следствий в логике вызова молодых националистов-ирредентистов империи Габсбургов. Эта линия игнорировалась Веной. Вызов со стороны сербских ирредентистов перетолковался в другой – вызов со стороны Сербии. Тем самым Вена выстраивала свою цепочку перформативных следствий в логике сербского вызова. Сербия со своей стороны предлагала собственную цепочку – довольно двусмысленную, подчеркнуто дистанцированную как от младобоснийской, так и от имперской, но при этом невольно перекликавшуюся то с одной, то с другой.

Одновременно со всеми этими цепочками – то параллельно, то пересекаясь – стали формироваться самостоятельные линии поведения других государств. Такое ветвление спутывало логику следствий и в то же время заставляло каждого из основных действующих лиц намечать свою собственную колею перформативности.

Переход к новому акту политической драмы и формирование следующей двойной воронки перформативности были связаны с новым ключевым перформативом, который структурно был заложен в перформативной логике Вены. Это был ответ на вызов Сербии и принятие этого вызова.

Второй этап. Война государства против государства

Вена демонстративно не замечала вызова, брошенного ей «Младой Босной». Она не хотела и не могла видеть и слышать ничего, кроме вызова дерзкой и агрессивной Сербии. Для Империи не имело большого значения, действовали ли террористы независимо от правительства Сербии или под его эгидой; важно лишь то, что теперь появился повод обвинить Сербию если не в убийстве напрямую, то в создании условий для этого убийства. Австро-Венгрия действует так, будто вызов ей брошен был со стороны Сербии. Но Сербия посылает сигналы, что сама никакого вызова не бросала; напротив, она всеми силами доказывает, что деятельность террористов никак не связана с государством и не имеет ничего общего с целями сербского правительства. Австро-Венгрия не могла увидеть деятельность террористов отдельно от правительства Сербии, притязающей на оспаривание политики и власти Империи на Балканах.

7 июля 1914 г. в Вене Советом министров по делам государства было проведено заседание для формирования стратегии дальнейших действий против Сербии. Большая часть делегатов пришла к выводу, что мирное дипломатическое урегулирование вопроса не решит проблему, так как это покажет политический кризис, возникший в Австро-Венгерской империи, а также поставит под удар репутацию страны на мировой арене и создаст угрозу восстания в южных славянских провинциях государства. Учитывая и более ранние конфликты с Сербией, делегаты отмечают: «Мы уже пренебрегли двумя возможными решениями Сербского вопроса и отложили решение в обоих случаях. Если бы мы сделали это снова и не обратили внимание на последнюю провокацию, это было бы воспринято как признак слабости во всех южных славянских провинциях, и мы должны были бы подготовиться к росту агитации против нас» [Ногне, 1923].

Единственным возможным исходом и решением кризиса делегация видит вооруженные действия против Сербии, в результате которых будет аннексирована часть территорий Королевства, сербские войска будут переподчинены Австро-Венгерскому военному министерству, а корона будет передана другой европейской династии (последний пункт был спорным). Кроме того, делегация планировала провести мобилизацию в стране так, чтобы к моменту

вступления в конфликт России (это было гарантировано, учитывая отношения России и Сербии) австро-венгерские войска были готовы дать русским отпор. Для этого они также заручились поддержкой в союзе; Германия недвусмысленно выразила готовность поддержать напарницу по Тройственному союзу: «Император Франц-Иосиф, однако, будьте уверены, будет верно помогать Австро-Венгрии, как это требуется в соответствии с обязательствами своего союза и его древней дружбы» [World War I, 2006, p. 1369].

Ключевым решением Совета стало планирование дипломатической игры, в ходе которой ультиматум Сербии обязательно приведет к войне (так как Сербия не сможет и не должна выполнить всех требований), но при этом сам текст будет составлен таким образом, чтобы интенция вынудить Сербию вступить в войну не была такой очевидной, и, следовательно, не повела бы за собой политическую и дипломатическую дискредитацию перед остальными европейскими державами, в частности перед Россией.

Следует учесть, что Сербия еще 24 июня, т.е. за четыре дня до объявления войны Австро-Венгрией, запросила военной помощи у императора России и незамедлительно получила положительный ответ. Данное событие позволяет нам дать такую интерпретацию отказа принять один лишь пункт ультиматума. Получив российскую поддержку и осознавая неизбежность военного конфликта, сербское правительство стремится создать наиболее привлекательный образ для дальнейшей дипломатической игры. Отклонение лишь одного пункта ультиматума играет ключевую роль. Ведь отклонив только один пункт, в военном конфликте Сербия будет представлена как сторона, желавшая мирного урегулирования потенциального конфликта. В противном случае ярлык «непримиримого провокатора» преследовал бы ее.

Получается, что Австро-Венгрия и Сербия использовали одинаковые стратегии в своей дипломатической игре. Австро-Венгрия решила предъявить ультиматум Сербии для формализации своих действий и поддержания дипломатического авторитета; Сербия же попробовала показать, что пытается найти способ мирного урегулирования конфликта путем соглашения с большим количеством пунктов ультиматума, хотя на самом деле готова была вступить в войну в любом случае. Более того, перед этим и Австро-Венгрия, и Сербия обзаводятся своего рода секундантами, в

роли которых с готовностью выступают их два давних союзника – Германия и Россия соответственно.

Таким образом, решения, принятые на Совете, предполагают военный конфликт, в котором будут участвовать всего четыре государства: Австро-Венгрия при поддержке Германии и Сербия при поддержке России. И хотя звучали мнения о том, что такое развитие событий повлечет за собой глобальную европейскую войну, предполагалось, что эта война не будет сильно отличаться по масштабам от, например, предыдущих Балканских войн недавнего времени. На данном этапе для всех участников это представляется как война государства против государства или противостояние нескольких национальных государств; о мировом, структурно новом характере конфликта еще нет и речи.

Ключевым перформативным высказыванием в данном казусе становится ультиматум Австро-Венгрии Сербии, переданный с помощью телеграммы министром иностранных дел Австро-Венгрии премьер-министру Сербии 28 июля 1914 г. В тексте телеграммы говорится: «Королевское Сербское правительство не ответило согласием на требования, высланные в ультиматуме 23 июля 1914 года, переданном Австро-Венгерским министром в Белграде, Имперское и Королевское правительство вынуждены принять меры для защиты своих прав и интересов, а именно прибегнуть к силе оружия. **Австро-Венгрия отныне считает себя находящейся в состоянии войны с Сербией**» [Collected documents... 1915, p. 392]. Это высказывание выражает интенцию австрийского правительства, является результатом всех предшествовавших ему обсуждений. Это высказывание «обрастает» реактивными и фоновыми высказываниями: вступлением в события других акторов (на уровне своеобразных секундантов и сторонних наблюдателей), мобилизацией войск стран и т.д., которые вместе складываются в перформативный акт – объявление Австро-Венгрией войны Сербии.

Цепь реакций, составивших основу этого акта, можно хронологически свести к следующей цепочке: ультиматум Австро-Венгрии Сербии – де-факто непринятие этого ультиматума Сербией – объявление войны Империей Сербии – поддержка союзной балканской страны Россией – ответная защитная реакция Германии в поддержку Австро-Венгрии. В итоге в войну вступают Россия, Германия и Черногория, что создает еще более широкий вложенный перформатив в виде войны двух коалиций – результат, явно

превосходящий исходные намерения имперского правительства в Вене. Фоновые высказывания от лица Англии, Франции и других держав «подливают масла в огонь», добавляя конфликтные нотки и без того напряженной ситуации на востоке Европы. И хотя на этом этапе главным актором является Австро-Венгрия, ее изначальный план укрепить свое положение на Балканах при помощи локальной войны выходит из-под контроля. К определенному моменту усложнение перформативного акта приводит к возникновению принципиально новой ситуации на карте.

Изначальная интенция Австро-Венгрии решить свой «Боснийский кризис» в форме поединка с Сербией обернулась сражением трех мощных милитаризованных имперских держав при участии двух балканских стран. Однако в сложившихся условиях сохранить противостояние на этом уровне уже было невозможно.

Третий акт драмы. Все против всех. Вызов мировому и мирному порядку

Каждая из будущих стран-участниц преследовала свои цели. У каждой были свои ограничения. И, несомненно, у каждой были свои наборы готовых клише и фреймов: все акторы предполагали участие в чуть ли не «рыцарских» поединках с противником, где они вступают в эти состязания, руководствуясь союзническими договоренностями и выполняя дипломатические обязательства. Ни одна из стран не предполагала (и не хотела) разворачивания и своего участия в глобальном вооруженном и экономически затратном конфликте. Например, звучали мнения, что даже при полноценных военных действиях между Россией и Германией это не будет чем-то большим по масштабам, чем относительно недавняя Франко-прусская война. Однако общая сумма всех единичных и зачастую независимых друг от друга фактов привела к формированию «снежного кома», где события сливаются в единый нераспутываемый клубок.

Процесс переплетения различных линий поведения и действия множества действующих лиц можно проследить с помощью двойной воронки перформативных подчинений и следствий, а также перехода от одной двойной воронки с ее критическим перформативом в общем «горлышке» ко второй со своим критиче-

ским перформативом, а затем и к третьей. При этом во всех переходах сохраняется единый динамичный, но также и стабильный контекст. Этот контекст существует всегда и имеет свойство расширяться или сужаться. На первых двух этапах можно было проследить его расширение: на первом контекст из личного действия Принципа перерос в дипломатическую игру, в которой стали участвовать Сербия и Австро-Венгрия; на втором эти державы продолжили действовать согласно своим ожиданиям, что привело к привлечению сторонних акторов (Германии и России), а также привязало вооруженный конфликт между ними.

Скорость расширения контекста росла непрерывно. В конечном счете количество акторов увеличивалось, и все их действия и ожидания все меньше соотносились с реальным ходом вещей; таким образом, высказывания и акты совершались (страны объявляли друг другу войны, продолжали состоять в союзнических организациях и блоках или меняли свою сторону) каждым актором в соответствии с его видением контекста, но последний успевал претерпеть достаточно изменений для поворота хода событий в другую сторону. В конечном счете само событие, которое должно сформировать перформатив, не успевает сложиться вплоть до стабилизации контекста. Этот момент наступает лишь тогда, когда большинство стран уже вступило в вооруженные конфликты с другими, приняв одну из двух сторон (сторон двух блоков). И лишь здесь можно зафиксировать мировой характер войны, так как в течение достаточно короткого времени и непрерывного расширения контекста конфликт вылился в глобальную войну всех против всех.

Что же стало критическим перформативом для третьей двойной воронки, для третьего акта драмы втягивания в мировую войну? Обратимся к ходу событий. Сразу после объявления войны Австро-Венгрией Сербии 28 июля 1914 г. в других державах началась реакция на это событие. В течение нескольких дней такие державы, как Германия, Россия и Франция начинают отзывать из отпуска военных и проводить частичную мобилизацию. Германия предъявляет России ультиматум: прекратить призыв в армию, или Германия объявит войну России. Этому предшествовала фоновая серия телеграмм между императорами Николаем II и Вильгельмом II: так, 29 июля Николай II отправил немецкому императору телеграмму с предложением «передать австро-сербский вопрос на Га-

агскую конференцию» (в международный третейский суд в Гааге), но адекватного ответа на эту телеграмму не последовало. Была реакция и Вильгельма, и всех остальных протагонистов драмы начала войны на все новые детали взаимных упреков, опасений, предложений и почти ультимативных требований.

В этих условиях критический перформатив оказался рассредоточенным. Возможно, сама его рассредоточенность и послужила эскалации. Этим перформативом стали передвижения германских вооруженных сил на границах своей империи, а затем и за границами в первые дни августа. Германия объявила войну России и начала продвигаться на запад в сторону Франции через Люксембург и Бельгию. 4 августа Россия вторглась в Восточную Пруссию, а Германия – в Бельгию (после отказа последней пропустить немецкие войска), в ответ на что Великобритания направила в Берлин ультиматум: либо Германия выводит войска из Бельгии, либо Великобритания объявляет ей войну. События развивались по второму сценарию.

Мировая война стала фактом, пусть даже этого еще не осознавали. Началось развертывание перформативных следствий. 6 августа Австро-Венгрия объявила войну России, а Сербия – Германии. Таким образом, первоначальные источники конфликта вступили в войну с противоборствующими секундантами друг друга лишь почти спустя неделю после начала сражений между самими этими секундантами. Это интересно потому, что теперь характер войны не выглядел как локальное противоборство, где поединок ведется как бы «двое на двое» – изначально великие империи вступили в схватку друг с другом, не начиная ее с первоисточниками конфликта. Можно сделать вывод, что вся предыдущая ситуация была лишь поводом для разрешения накопившихся между ними конфликтов, или же тут как раз проявляется этот «снежный ком», когда секунданты начали сражаться почти сразу, не особо занимаясь истоками проблемы.

К 12 августа все ключевые империи уже были втянуты в войну друг с другом; таким образом, лишь за две недели война захватила не только восток Европы, но и запад и центр стратегической карты этой части света. 20 августа пограничные бои уже начались на франко-бельгийской границе, а на Восточном фронте всю велись боевые действия.

Таким образом, можно увидеть, что изначально почти каждое объявление войны другой державе было скорее индивидуальным дипломатическим шагом с целью поддержать союзное государство: страны коалиции не «выступали единым фронтом», не объявляли войну все сразу, а приходили к этому решению постепенно. Тем не менее они неизменно к нему приходили, вынуждены были придти. Мощный акт – начало войны – захватывал их и втягивал в гущу событий, и дипломаты были перед ним бессильны.

Заключение

Ускоряющееся развитие событий, истории, технологий и мира в целом довольно явно выразилось в процессах, происходивших в период 1914–1918 гг. В тексте было показано как постепенно разные интенции и действия приводили к расширению контекста через «воронку перформативности». На каждом из этапов перформативная модель «высказывание – акт – событие» проявлялась по-разному: если на первом этапе структура была достаточно четкой, то на последнем событие было масштабным и не так легко идентифицируемым ввиду комплексности перформативного контекста. Каждый из акторов, не имевший до этого опыта таких глобальных конфликтов, действовал лишь в своих интересах, не подозревая о реакциях остальных. Как результат – многие акторы начали действовать вслепую и наперед, пытаясь получить выгоду в этих быстро развивающихся реалиях, но в итоге оказались втянуты в боевые действия со множеством других акторов.

Сам процесс развития событий связан с несколькими переходами между разными уровнями перформативов и контекста. Как оказалось, ответственным за дальнейшее расширение контекста всегда был тот, кому это развитие событий было выгодно: либо для дальнейшего улучшения своих позиций на стратегической и дипломатической картах мира, либо для возвращения себе авторитета и статуса. Например, Австро-Венгрия инициировала расширение контекста после первого перформативного акта, стремясь добиться большего контроля на Балканах, а Германия с Россией старались укрепить свои лидирующие позиции в Европе с помощью поддержки своих союзников и сокрушения противников (хотя изначально и не запланированного). Как итог – все эти стремле-

ния добиться своих интересов привели страны к ситуации, когда миллионы людей погибли ради почти невидимых и уже устаревших целей. Но это расширение контекста и цепь перформативов уже не позволяли остановить действие воронки, что и привело к той самой великой войне.

Список литературы

- Collected documents relating to the outbreak of the European war. – L.: H.M. Stationery Office: Harrison and Sons Printers, 1915. – 598 p.
- Hart P. The Great War: A combat history of the First World War. – Oxford univ. press, 2013. – 522 p.
- Horne C.F. Source records of the Great War. – N.Y.: National Alumni, 1923. – Vol. 1. – 496 p.
- World War I / S. Tucker, P.M. Roberts (eds). – Westport, Conn.: Greenwood Press, 2006. – xviii, 217 p.